

**ЧАСТЬ II.
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО
ИСТОРИИ
В КОНТЕКСТЕ СХОЛАРНЫХ ПРАКТИК**

Ю.А. Киселева

**ДИСЦИПЛИНИЗАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ КАК
ЭПИФЕНОМЕН ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИМПЕРАТОРСКОГО
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье представлено развитие историко-историографического процесса в стенах императорского Харьковского университета как результат реализации идеи профессионализации исторической науки. Воплощением этой идеи в реальной практике была сознательная деятельность ученых по созданию профессионального научного сообщества. Историографическое знание использовалось как инструмент механизмов передачи знания последующим поколениям ученых и проведения научной экспертизы. Однако решающее значение в процессе дисциплинизации историографии сыграло участие историографического знания в формировании профессионального этоса историков.

Ключевые слова: историография, история историографии, Харьковский университет, профессионализация, научное сообщество историков.

Об авторе: Киселева Юлия Анатольевна преподаватель кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. 61135, Харьков, ул. Гв. Широнинцев, 63А-73. ula-kiseleva@yandex.ru.

Генезис историографии традиционно связывают с когнитивным развитием исторической науки, достижение которой определенной степени зрелости формирует потребность в историографической рефлексии, способной подвести итоги и определить перспективы на буду-

щее¹. С этой точки зрения наука рассматривается прежде всего как система знания, а наука как вид деятельности (дисциплинарная деятельность) остается на втором плане. Однако сегодня благодаря антропологическому подходу и достижениям социологии науки происходит переосмысление сущности «знания», которое начинает восприниматься не как результат применения определенных методов, а как продукт социального признания, осуществляемого в рамках специализированных экспертных групп², что позволяет включать в понятие «дисциплины» не только корпус знания, выстроенный по определенным теоретическим нормам, но и субъекты науки – научные сообщества, отвечающие за выработку конвенционных основ в понимании когнитивной и организационной специфики дисциплины³.

При этом необходимо учитывать, что процедура легитимации знания дисциплинарным сообществом всегда соотносится с определенными потребностями общественного развития и представлениями ученых о миссии науки. Поэтому наука, как и любая другая социальная практика, формирует собственное информационное пространство, в границах которого, с одной стороны, происходит демонстрация результатов выполнения ею социальных функций (предоставление ответов на запросы), а с другой – репрезентация образа науки и самопрезентация научного сообщества как адекватно выполняющего свое общественное призвание.

Одной из важных идей, начавших с XIX в. циркулировать в информационном поле исторической науки, была идея профессионализма, которая и обеспечила легитимацию положения историков в общественной структуре. Воплощением этой идеи в реальной практике стала сознательная и скоординированная деятельность ученых по созданию профессионального научного со-

¹ Колесник И.И. 1989, 143.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. 2003, 128, 134.

³ Попова Т.Н. 2008, 53–54.

общества. Прежде всего, речь идет об участии историков в налаживании механизма воспроизводства научного сообщества через систему обучения, механизма саморегуляции сообщества посредством научной экспертизы, а также выработке профессионального этоса и поддержке позитивного образа группы в социуме.

Целью данной статьи является попытка показать взаимовлияния процессов профессионализации исторической науки и дисциплинизации историографии в XIX в. на примере Харьковского университета. В результате мы попытаемся доказать, что историография как дисциплина зарождалась как эпифеномен целенаправленного процесса формирования профессионального сообщества, при этом историографическая рефлексия выступала способом конструирования и постижения смыслов профессии историка и способом их трансляции в информационное пространство исторической науки.

Идея профессионализма университетских ученых с самого начала становления российской университетской системы была тесно связана с историко-научным знанием. В научно-аттестационных документах знакомство с «литературой науки», а также способность критически ее оценивать выдвигались в качестве основных требований профессиональной пригодности университетского преподавателя. При этом считалось, что изучение «исторического развития наук» гарантировало правильность понимания достижений современной западной науки и создавало предпосылки для перехода российских ученых к самостоятельному научному поиску⁴.

Интересно, что историко-научная проблематика с первых лет существования Харьковского университета заняла важное место в образовательном процессе, став содержательным элементом вступительных лекций (а также предметом преподавания специальных курсов)

⁴ *О производстве в ученые степени*. 1819, 1138; *Положение о производстве в ученые степени*. 1837, 1255; *Проект Положения об испытаниях на ученые степени*. 1844, 484.

иностранных профессоров⁵. Одновременно осмысление проблем преподавания истории стало краеугольным камнем практики профессионального становления молодых историков. По нашим подсчетам, пять магистерских диссертаций, написанных в стенах Харьковского университета в течение первых трех десятилетий его деятельности, затрагивали вопросы преподавания историко-филологических дисциплин. При этом авторы (по крайней мере, трое из них) в ходе решения данных проблем обращались к историко-научному знанию. В работе П.П. Гулака-Артемовского предлагался обзор источников и литературы по русской истории⁶. В диссертации Н. Корсуна было очерчено предметное поле новой историографической дисциплины «истории наук исторических»⁷, что фактически позволяет говорить о начале осмысления дисциплинарной самостоятельности историографии. В работе В.Ф. Цыха историко-научные сюжеты использовались для осмысления современного автору состояния исторической науки⁸.

Одновременно историко-научные сюжеты активно использовали и иностранные профессора в речах на торжественных университетских актах. Обращаясь к прошлому науки, они пытались утвердить в общественной среде идеи Просвещения, обосновать идею университета и практику заимствования наук при посредничестве западных ученых⁹. Кроме этого, иностранные профессора внесли свой вклад и в утверждение идеи об этическом значении историко-научного знания. Например, Л. Умляуф рассматривал отказ от изучения «предшествующих открытий» в науке как проявление высокомерия¹⁰ и посвятил критике этого порока, замедляющего

⁵ Киселева Ю. А. 2010, 246.

⁶ Боровиковский И.И. 2008, 94.

⁷ Корсун Н. 1824, 18.

⁸ Цых В.Ф. 1824; Кисельова Ю.А. 2009, 276–282.

⁹ Киселева Ю.А. 2010, 246–247.

¹⁰ Umlauf L. 1806, 16.

прогрессивное движение наук и препятствующего творческой реализации ученого, специальную актовую речь. Таким образом, историко-научное знание, с одной стороны, стало языком общения в информационном поле университетской науки – средством распространения идеалов и смыслов университетской деятельности. С другой – оно трактовалось как инструмент реализации идеи профессионализма, обращенной в будущее, смысл которой в первые десятилетия существования университета виделся в качественной подготовке нового поколения ученых, способных в последующем приступить к развитию науки.

В 1830 – 1840-х гг. начался новый этап развития университетской исторической науки и образования. Он ознаменовался утверждением исследовательского императива в научных исследованиях. Предпосылками для этого процесса послужила, с одной стороны, смена поколений ученых и ведущих идей, а с другой – политика правительства, направленная на улучшение качества преподавания и проведение научных исследований в университетах. В результате принципиально новая ситуация в науке привела к переосмыслению идеи профессионализма историка. Отныне ученый-историк должен был не только транслировать знания, но и развивать их, что подразумевало принятие новой научной (романтической) парадигмы. В Харьковском университете заботу о внедрении этой парадигмы взяли на себя представители кафедры всеобщей истории: В.Ф. Цых и М.М. Лунин. Собственно, вокруг борьбы за утверждение нового образа науки и началось создание научного сообщества историков.

Однако при этом старая исследовательская программа вместе со своим пониманием профессионализма долгое время еще сохраняла свои позиции. Представителем этой программы в Харьковском университете в 1830 – 1840-е гг. был профессор кафедры российской истории П.П. Гулак-Артемовский. В ситуации усиленного контроля министерства С.С. Уварова за качеством университетской науки и образования данный профессор, не будучи самостоятельным ученым, но являясь талантливым

администратором, чутко реагирующим на правительственные настроения, сосредоточил внимание на репрезентации рефлексивной составляющей своей преподавательской деятельности. В отчетах Министерству народного просвещения П.П. Гулак-Артемовский подробно излагал содержание своего источниковедческо-историографического введения в курс российской истории, на преподавание которого отводил до двух месяцев лекционного времени¹¹. Причем, не успевая вычитывать весь курс, он никогда не жертвовал ради фактической полноты своим введением. В графе отчета «По какому автору преподается курс» П.П. Гулак-Артемовский, изначально упоминая работы Карамзина и Устрялова, в последующем стал указывать в качестве основного пособия собственный конспект, при этом в графе «Особые труды преподавателя» упоминал свою работу по усовершенствованию этого конспекта («сбор историко-библиографических сведений по части истории русской истории»)¹². Таким образом, официальные отчеты П.П. Гулака-Артемовского свидетельствуют о том, что рефлексивная деятельность как в университетской интеллектуальной среде, так и за ее пределами продолжала ассоциироваться с идеей профессиональной деятельности.

Однако нужно отметить, что в 1830 – 1840-е гг. произошло переопределение смысла этой связи. Если раньше акцент ставился на инструментальной роли историко-научной рефлексии при создании эффективного механизма трансляции знания, то в новой познавательной ситуации ключевое значение приобрело содержание и направленность рефлексии: транслирует ли она устаревшие образцы или пролагает новые пути для развития исследований. В доказательство данного тезиса можно привести описание в воспоминаниях конфликта, произошедшего в Харьковском университете между

¹¹ РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед.хр. 667. Л. 22

¹² РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 685. Л. 41; РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 715. Л. 3.

П.П. Гулаком-Артемовским и М.М. Луниным. Последний, являясь воспитанником Дерптского университета и заняв кафедру всеобщей истории Харьковского университета после заграничной стажировки, был представителем нового поколения ученых и ярким приверженцем новой исследовательской парадигмы. Причин для возникновения конфликтной ситуации между учеными было несколько: это и расхождение их представлений о чести и достоинстве университетского преподавателя, и вопросы управления университетом (Гулак-Артемовский был ректором университета в 1841 – 1849 гг.). Однако именно содержание историографической рефлексии стало предметом конфликта. М. М. Лунин резко критиковал лекции П.П. Гулака-Артемовского за негативное отношение к новым веяниям в науке (например, к работам Н.А. Полевого), отказываясь признать научный характер лекций своего оппонента¹³. Таким образом, этот случай указывал на актуализированное понимание связи профессионализма историка с историографической рефлексией и на возрастание роли содержательной стороны последней, призванной отныне служить интересам развития исторической науки. С другой стороны, конфликт выявил и этическое значение историографического знания, которое проявилось в соединении историографической рефлексии с процедурами самоидентификации ученых с определенным научным сообществом, как правило, более профессиональным. При этом такая процедура предоставляла критерии для оценки историографических явлений и задавала цели историографического анализа. Тем самым историографическая рефлексия заложила основы для формирования профессионального этоса историков.

На примере творчества М.М. Лунина можно убедиться, что корректировка функций историографического знания не повлияла на информационную роль историографии, которая традиционно оставалась языком

¹³ Де-Пуле М.Ф. 2008, 287.

общения науки и общества. Лунин стал автором публичной речи «О влиянии Вальтер-Скотта на новейшие изыскания по части средней истории»¹⁴, в которой пытался на основе обзора развития исторических знаний обозначить актуальность нового образа исторической науки и ее целей. Однако надо заметить, что «качество» историографического анализа ученого менялось в зависимости от того, использовал ли он его в публичной речи или в научной работе, где строгость выводов была намного выше (см. его статью «Взгляд на историографию древнейших народов Востока»¹⁵). В этом факте, по нашему мнению, отразилось переходное состояние от внутрэнной рефлексии к внешней.

Очередным качественным этапом профессионализации исторической науки стал период 1850 – 1860-х гг., когда в условиях реформирования университетского образования произошло повышение научного значения университетов и углубился процесс специализации обучения. Эти события сопровождалась широкой дискуссией, носившей публичный характер, что в свою очередь способствовало повышению самосознания и профессиональной ответственности университетских профессоров-историков и в результате активизировало процессы формирования научного сообщества. Одновременно утверждалась новая позитивистская исследовательская парадигма, повлиявшая на образ исторической науки и представления о профессионализме историка. Закрепилось убеждение, что миссия исторической науки состоит в предоставлении удостоверенного знания, полученного в результате проведенного «по правилам» научного исследования. При этом обязанностью научного сообщества стало задание разработать эти профессиональные правила, контролировать их выполнение и обеспечить их успешную трансляцию последующим поколениям ученых.

¹⁴ Лунин М.М. 1836.

¹⁵ Лунин М.М. 1842.

В данных условиях историографическое знание стало считаться важным элементом системы профессиональных норм и требований, предъявляемых к научным исследованиям. О важности рефлексивной составляющей исторических исследований свидетельствует и увеличение количества историографических сюжетов в лекционных курсах и практике проведения семинарских и практических занятий, число которых существенно возросло. Наблюдались также попытки чтения специальных историографических курсов. Интересно, что первый такой курс в Харьковском университете, прочитанный преподавателем русской истории А.П. Зерниным, был предназначен для студентов 4 курса, а значит носил не пропедевтический, а профессиональный характер¹⁶.

С другой стороны, историографическое знание стало важным инструментом проведения профессиональной экспертизы, которая осуществлялась посредством написания критических работ и рецензий. В таком качестве рефлексивное знание напрямую транслировалось в информационное пространство науки. При этом историки заботились, чтобы историографическая критика была правильно понята обществом как дело служения интересам науки, залог ее прогрессивного развития¹⁷, так как посредством этой критики происходила и самопрезентация научного сообщества и его готовности выполнять свою общественную миссию. Поэтому и проблема этичности историографической рефлексии приобрела новое значение.

Подтверждением этому стал эпизод с диссертацией Г.Ф. Карпова «Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года», которую он написал, будучи профессором российской истории Харьковского университета. Несмотря на задекларированный в названии источниковедческий характер работы, Карпов ставил цель проанализировать использование ис-

¹⁶ РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 761. Л. 25.

¹⁷ Забелин И.Е. 1872, 460–464.

точников и их анализ в работах Д.Н. Бантыша-Каменского, Н.А. Маркевича и Н.И. Костомарова¹⁸. Таким образом, историографический анализ Г.Ф. Карпова был новаторским по своим задачам и формам, однако он не привел к плодотворной дискуссии, а вызвал нежелательную для автора реакцию со стороны научного сообщества. Причиной этому была неумеренность критики – резкие нападки на сочинения исследователей истории Украины, а особенно на сочинения Н.И. Костомарова. К.Н. Бестужев-Рюмин сделал вывод, что взгляды Карпова, отличающиеся «резкостью своих выражений и страстностью своей полемики», выводили дискуссию «из сферы науки в жгучую среду, не всегда научной полемики»¹⁹. Несмотря на успешную защиту диссертации в Москве, ученая коллегия Харьковского университета не посчитала возможным продолжение работы Г.Ф. Карпова в университете²⁰.

Таким образом, позиция Г.Ф. Карпова, которой он придерживался в диссертации, фактически была осуждена коллегами по цеху. Такой результат, на наш взгляд, не был обусловлен неприкосновенностью авторитета Н.И. Костомарова или его приверженностью к другой (национальной) точке зрения. Решающим здесь оказалось осознанное игнорирование автором этической составляющей рефлексивного знания. Г.Ф. Карпов, будучи воспитанником научной школы С.М. Соловьева, и проведя историографический анализ с позиций данной школы, своими непримиримыми выводами продемонстрировал пренебрежительное отношение к научному сообществу, в том числе и научному сообществу историков Харьковского университета. Подобная установка привела к тому, что результатом рефлексии стало не указание пути к усовершенствованию, а, скорее, навешивание ярлыков и вынесение приговоров, поэтому историографический ана-

¹⁸ Карпов Г.Ф. 1870, 34.

¹⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. 1874, 321.

²⁰ Протоколы заседаний Совета имп. Харьковского университета. 1871, 286.

лиз, проведенный Г.Ф. Карповым, воспринимался как не имеющий «научного характера».

Еще одной отличительной чертой развития идеи профессионализма во второй половине XIX в. стало ее распространение на все отрасли исторической науки. Результатом чего стали попытки определить черты и содержание «профессионального знания» и в области специально-историографических исследований. При этом внешняя рефлексия фактически возникала на пересечении поиска ответов на актуальные для исторической науки вопросы. Историографические работы, написанные в стенах Харьковского университета, свидетельствуют об этом. Например, вступительная лекция В.С. Иконникова стала попыткой выявить влияние двух традиций в исследовании российской истории (западной и отечественной), которые имели свои особенности и в результате привели к появлению противоположных точек зрения на события российской истории²¹.

Оригинальную историографическую работу по западноевропейской историографии удалось написать М.Н. Петрову. Монография «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Сравнительный историко-библиографический обзор» стала результатом заграничной командировки ученого в 1856 – 1858 гг. и в последующем была защищена в качестве докторской диссертации. Интересно, что изначально он не планировал написание такой работы. М.Н. Петров, еще со времени учебы в университете определившись с областью научных интересов, мечтал о том, чтобы состояться как профессиональный ученый в области средневековой истории. Поэтому и свою заграничную командировку он рассматривал как возможность для осуществления этих планов. Так, в своем прошении министру М.Н. Петров прямо указал мотивы заграничной командировки, ссылаясь на то, что в Харьковском универ-

²¹ *Иконников В. С.* 1867.

ситете не было ни литературы, ни источников для написания «сколько-нибудь замечательной в ученом отношении докторской диссертации... особенно по средневековой истории»²². Правда, такое замечание вызвало целое разбирательство, в результате которого ректор университета, старший коллега М.Н. Петрова по кафедре, А.П. Рославский-Петровский вынужден был давать объяснения по поводу обеспеченности литературой курсов по всеобщей истории в университете²³.

Этот эпизод продемонстрировал неопытность Петрова в университетской дипломатии и отчасти сыграл с ним злую шутку. В результате цели его заграничного путешествия были скорректированы «сверху». Об этом свидетельствует отчет ученого о командировке, в котором его планы написания специальной исторической работы были заменены задачами «приготовить себя к возможно-основательному выполнению обязанностей университетского преподавателя всеобщей истории». В начале отчета он специально оговаривает, что «добросовестное преследование этой цели» налагало на него «долг познакомиться не с состоянием какого-либо отдела науки, но полного круга исторических знаний, так как при нынешней организации наших университетов преподавание в них всеобщей истории должно состоять преимущественно в общих курсах, а не в специальных»²⁴. Далее ученый замечал: «Быть может занятия мои были бы успешнее, если бы я ограничился изучением одной какой-нибудь части Всеобщей истории, но, если я верно понял мои обязанности, я не имел права сделаться специалистом в ущерб общему и возможно равномерному знакомству с наукой»²⁵. Эти слова М.Н. Петрова убедительно свидетельствуют о том, что его первоначальная цель написать серьезную диссертацию по сред-

²² РГИА Ф.733, Оп. 50, Д.934. Л. 18

²³ Там же. Л. 21–25.

²⁴ Петров М. Н. Отчет... 1861, 1.

²⁵ Там же, 2.

невековой истории была откорректирована в соответствии с реалиями и нуждами университетского преподавания. Таким образом, данный эпизод дает возможность продемонстрировать существовавшее противоречие между вариантами реализации идеи профессионализма на практике, между представлениями и идеалами отдельного историка и реальными потребностями организации профессионального университетского обучения.

Однако это противоречие в конечном итоге послужило стимулом к развитию идеи профессионализма и ее адаптации к новым областям деятельности. Результатом командировки М.Н. Петрова стала историографическая работа. Хотя автор предназначал свою книгу прежде всего для учебных целей, как «опыт руководства..., которое могло бы облегчить знакомство с иностранной исторической литературой»²⁶. Однако в то же время работа претендовала и на научную ценность, проявившуюся в попытке обозначить специфику развития национальных историографий, выявить особенности национальных типов историков и «определить характер и заслуги исторической школы в пределах которой совершается самое серьезное научное движение европейской историографии»²⁷. Фактически книга М.Н. Петрова стала первым опытом сравнительно-историографического исследования. Именно в этом автор видел ее «ученое» значение²⁸.

Интересно, что на диспуте в Московском университете М.Н. Петров попытался развить именно теоретические положения своей работы. Возможно, это было обусловлено пониманием ученым недостаточной самостоятельности своих выводов, а также нестандартностью подхода к проблематике западноевропейской историографии. Традиционно историографические обзоры исто-

²⁶ *Петров М. Н.* Новейшая... 1861, II.

²⁷ *Диспут* М. Н. Петрова. 1865, 284–285.

²⁸ *Петров М. Н.* Новейшая... 1861, II–III.

риков-всеобщников были посвящены обзору историко-философских концепций и их влиянию на историографическую практику. М.Н. Петров же фактически первым проанализировал достижения современной западноевропейской исторической науки XIX в. В речи на диспуте харьковский ученый представил свою работу как начальный этап решения сложной научной задачи, которая нуждалась в освещении еще ряда важных проблем: объяснить «отчего исторические науки так мощно развились в новейшее время» и в «каких отношениях стояли они к естествоведению»²⁹. Фактически постановка данных вопросов выводила историографическую рефлексию на уровень решения актуальных проблем исторической науки, обсуждающихся в то время в информационном поле науки (например, дискуссии о работе Г. Бокля). Поэтому и свою публичную речь Петров посвятил проблеме соотношения истории и естественных наук, к решению которой он подошел фактически с науковедческих позиций. Однако мысли Петрова не получили сочувствия на диспуте и основой для присуждения степени доктора харьковскому историку стало признание советом Московского университета важного «педагогического значения книги»³⁰.

Таким образом, создание оригинального историографического труда стало возможным на пересечении идеалов профессионализма историка как ученого и задач организации профессионального исторического образования. При этом основой для обретения историографическим знанием научного статуса в форме «внешней рефлексии» послужили попытки ответить на насущные проблемы и вызовы исторической науки, активно обсуждавшиеся в ее информационном пространстве. Однако поиск ответов происходил с определенных позиций в рамках конкретных научных сообществ. Процесс осо-

²⁹ *Диспут* М. Н. Петрова. 1865, 285.

³⁰ *Там же*, 299.

знания этого положения стал содержанием развития историографии на следующем этапе ее дисциплинизации.

В последней трети XIX в. завершилась институционализация исторической науки как отдельной дисциплины³¹. Университетские ученые-историки почувствовали себя в силах влиять на процесс развития профессионального образования и науки. Об этом свидетельствует и неудавшаяся отмена специализации обучения в университетах, и готовность научного сообщества историков противостоять политике правительства в вопросах трансформации образования³². В конечном итоге возросшее самосознание профессоров привело к более интенсивным попыткам самостоятельного определения содержания профессионального обучения историков. В Харьковском университете такое стремление воплотилось как в эпизодическом чтении разнообразных историографических курсов по разным кафедрам (славянской историографии, церковной историографии, римской историографии)³³, так и в закреплении курса российской историографии в качестве обязательного элемента обучения на историко-филологическом факультете. Чтение данного курса в стенах Харьковского университета инициировал с 1888 г. Д.И. Багалея³⁴, а продолжил его коллега по кафедре В.И. Савва³⁵. Таким образом, российская историография превратилась в регулярную преподаваемую дисциплину.

Свидетельством усиления привязки историографического знания к идее профессионализма историка можно считать и практику чтения историографических

³¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. 2003, 60.

³² Киселева Ю. А. 2013, 76-77.

³³ *Обозрение преподавания предметов...* 1889, 9; *Обозрение преподавания предметов ...* 1911, 15; *Обозрение преподавания предметов ... на осеннее полугодие.* 1888, 11.

³⁴ *Обозрение преподавания предметов ... на весеннее полугодие.* 1888, 12.

³⁵ *Обозрение преподавания предметов ...* 1911, 11.

вступительных лекций, установившуюся в Харьковском университете в конце 1870 – 1880-х гг.³⁶ Данные лекции были частью процедуры профессиональной аккредитации начинающих преподавателей. Выбор проблемно-историографических тем зависел как от особенностей мышления претендентов на преподавательские должности, так и от представлений членов научного сообщества в целом о возможности тех или иных тем продемонстрировать профессиональную пригодность претендента. По нашему мнению, прочтение историографических лекций можно рассматривать как определенную карьерную стратегию молодых историков. Деятельность в «признанной» сфере в поле науки давала возможность достигнуть желаемой профессиональной репутации и получить первоначальный научный капитал³⁷. Тем самым владение историографическим анализом превращалось в маркер профессиональной пригодности университетского историка.

При этом историографическое знание оставалось инструментом профессиональной экспертизы и усовершенствования системы правил проведения исторического исследования. Об этом свидетельствует и увеличившаяся доля критических работ и рецензий в творческом наследии ученых – представителей поколения 1880-х гг.

Однако самой важной особенностью развития историографического знания в конце XIX – начале XX вв., по нашему мнению, стало восприятие профессионального историографического знания, как знания, отражающего интересы определенного научного сообщества. Проиллюстрировать данное утверждение можно на примере одной из первых историографических работ харьковского историка В.П. Бузескула – его пробной лекции «Обзор немец-

³⁶ Горина Л.В. 1986, 113-114; Багалеи Д.И. 1883; Бузескул В.П. 1885; Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805-1905). 1908, 292.

³⁷ Бурдьё П. Поле науки. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-nauki> (Дата обращения: 21.08.2012).

кой литературы по истории средних веков». Мотивом публикации работы стали, по словам автора, «соображения полезности общих обзоров литературы для студентов историков»³⁸. Тем не менее в конце своего труда ученый посчитал важным высказать свои суждения о состоянии современной ему немецкой исторической науки и сообщества немецких ученых, которое он представил в качестве идеала и образца³⁹. Интересно, что в работе нашлось место и для оценки автором работы М.О. Кояловича, которую В.П. Бузескул, ссылаясь на рецензию К.Н. Бестужева-Рюмина, выставил примером «полного отсутствия объективности»⁴⁰. Данный пример из творчества начинающего историка свидетельствует о важности при проведении историографического анализа зафиксировать собственную позицию, солидаризируясь с определенным научным сообществом и его идеалами.

По нашему мнению, именно борьба за интерпретацию истории исторического знания с позиций разных научных сообществ подтолкнула историографическое знание выйти за пределы учебной аудитории и обозначила горизонт профессионализма историографических исследований.

Данный тезис может быть доказан на примере историографических работ М.О. Кояловича и П.Н. Милокова. Однако подтверждение ему можно найти и в творчестве харьковских историков, например, Д.И. Багалея. Ученый регулярно преподавал российскую историографию и издал несколько литографированных курсов лекций по этому предмету⁴¹, однако при этом не решился опубликовать полноценную историографическую работу. Связано это было, вероятно, с представлениями Д.И. Багалея об уровне историографического труда. Лекции харьковского историка представляли собой скорее собрание цитат из трудов его предшествен-

³⁸ Бузескул В.П. 1885, 36.

³⁹ Бузескул В.П. 1885, 37–38.

⁴⁰ Бузескул В.П. 1885, 35.

⁴¹ Багалея Д.И. 1911.

ников. Однако они содержали и ряд оригинальных сюжетов, посвященных попытке оценить вклад историков в разработку проблем «малороссийской» истории и обратить при этом внимание на важность историографического осмысления их наследия и в целом процесса развития исследований по украинской истории⁴². В последующем именно украинская историография стала основной темой историографического творчества Д.И. Багалей и предметом его многочисленных историографических работ. Таким образом, историографическая рефлексия выполняла задачи не только развития и защиты идейных основ определенных научных сообществ, но и их конструирования.

Особенно обострилось понимание профессурой этического значения историографической рефлексии в период разрушения привычного для них образа исторической науки, сопровождавшегося подменой содержания идеи профессионализма идеей партийности, что произошло на новом историографическом этапе в 1920 – 1930-е годы.

В этих условиях историографическая рефлексия становится для дореволюционной профессуры инструментом налаживания диалога с новым зарождающимся профессиональным сообществом историков-марксистов, средством передачи им собственных представлений о профессионализме историков и ценностях «старой» науки. Среди профессоров Харьковского университета выполнение подобной миссии взяли на себя В.П. Бузескул и Д.И. Багалей, а результатом ее выполнения стали обобщающие работы ученых в области историографии: историографическое введение Багалей к его книге «Нарис історії України на соціально-економічному ґрунті» и книга Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX вв».

По нашему мнению, в этих работах ученые не только попытались еще раз актуализировать наследие дореволюционной науки. Особенности траекторий историографиче-

⁴² Багалей Д.И. 1911, 406–418.

ской рефлексии авторов во многом были обусловлены их личным жизненным опытом, характерным для них способом постулирования своего собственного места в истории исторической науки. При этом и характер историографического анализа был обусловлен частично представлениями об «идеальных» научных сообществах.

Например, в работе Багалея систематизация материала происходила по научным школам⁴³. Хотя все многообразие украинского историографического процесса не укладывалось в эти рамки схоларной проблематики, однако для ученого, который осознал себя выходцем и продолжателем дела киевской научной школы и приложил немало усилий для создания собственной научной школы, было очевидно, что перспективы развития украинской исторической науки только в сохранении преемственности между старым и новым сообществом, каналами для которой и служили научные школы.

Историографическая работа В.П. Бузескула была построена в виде серии биографических очерков российских ученых. Автор, рассматривая творческий и жизненный путь историков, старался определить факторы, повлиявшие на становление исследовательского интереса к той или иной проблематике, обращал внимание на то, какую школу прошли его герои, кто был среди их учителей, пытался охарактеризовать историческое мировоззрение историков, обращаясь прежде всего к работам теоретического характера⁴⁴.

Биографический подход можно считать данью традиции историографических поисков российской науки, в центре которых так или иначе оказывались знаковые фигуры историков. В то же время в своей работе В.П. Бузескул пытался охватить вниманием не только авторитетных, но и малоизвестных историков. Для харьковского ученого, научная требовательность которого не позволяла причислять себя к рангу «ведущих истори-

⁴³ См. *Багалій Д.І.* 2001.

⁴⁴ См. *Бузескул В.П.* 1931–1929.

ков», траектория развития исторической науки проходила через кропотливую научную деятельность отдельных историков (как выдающихся, так и тех, кто не успел или не смог из-за тех или иных обстоятельств сделать значительный вклад в науку, но которые являлись носителями идейных, методологических, профессиональных убеждений, преемственность которых от поколения к поколению и обеспечивала прогрессивное движение науки в направлении поиска истины).

Подводя итог, можно утверждать, что развитие историографии было неразрывно связано с процессом профессионализации исторической науки и становления научного сообщества историков. В какой-то мере содержание и характер историографического знания обусловливалось пониманием профессионализма историка.

В начале XIX в. идея профессионализации исторической науки нашла воплощение в представлении о профессиональном историке-преподавателе, транслирующем передовые научные знания в интеллектуальную среду, при этом историко-научная рефлексия считалась эффективным инструментом как овладения этими знаниями, так и их трансляции. Одновременно эти знания стали своеобразным «языком общения» науки с обществом.

В последующем при утверждении исследовательского императива историографическая рефлексия превратилась из средства просвещения в самостоятельный инструмент познания. В результате возросло значение целеполагания, которое определялось самоидентификацией ученых с определенными научными сообществами. Как правило, ученые старались соотносить свою деятельность с требованиями и ценностями более совершенных в профессиональном плане сообществ. В образовывавшемся часто зазоре между «идеальными» и «реальными» научными сообществами и происходило зарождение профессионального этоса истории.

Завершение процесса дисциплинизации историографии, по нашему мнению, связано с осознанным использованием историографического знания с позиций и в инте-

ресах определенных научных сообществ. Впрочем, тогда же ученые осознали, что потенциал историографической рефлексии не только в возможности конструировать и отстаивать ценности определенных научных сообществ, но и определять в целом смыслы профессии историка.

Литература

Багалей Д.И. 1883: Удельный период и его изучение // Киевская старина. Т. 5. 2, 301–318.

Багалей Д.И. 1911: Русская историография. Харьков.

Багалій Д.І. 2001: Історіографічний вступ [до «Нарису історії України на соціально-економічному ґрунті»] // Багалій Д. І. Вибрані праці : у 6 т. Т. 2 : Х., 203–334.

Бестужев-Рюмин К.Н. 1874: [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 12, 319–325.

Боровиковский И.И. 2008: Воспоминания о полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харьков. Т. 1, 90–98.

Бузескул В.П. 1885: Обзор немецкой литературы по истории средних веков. Харьков.

Бузескул В.П. 1929–1931: Всеобщая история и ее представители в России в ХІХ и начале ХХ века : в 2 ч. Л.

Горина Л.В. 1986: Марин Дринов – историк и общественный деятель. М.

Де-Пуле М.Ф. 2008: Харьковский университет и Д.И. Каченовский: культурный очерк и воспоминания из [18]40-х годов // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Харьков. Т. 1, 272–331.

Диспут М.Н. Петрова // Ученые известия Московского университета. 1865. 4, 282–299.

Забелин И.Е. 1872: Фельетонизм в критике // Опыт изучения русских древностей и историй: исследования, описания и критические статьи. М. Т. 1, 432–466.

Иконников В.С. 1867: Очерк разработки русской истории в ХVІІІ веке. Харьков.

Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков. 1908.

- Карпов Г.Ф.* 1870: Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся за время: 8-е января 1654 – 30-го мая 1672 года. X.
- Киселева Ю.А.* 2010: Истоки становления историографии как учебной и научной дисциплины в Харьковском университете: первая треть XIX в. // Харківський історіографічний збірник. 10, 244–265.
- Киселева Ю.А.* 2012: Историография и этика (харьковские сюжеты) // Харківський історіографічний збірник. 11, 104–117.
- Киселева Ю.А.* 2013: Правительственная политика и историографическая составляющая университетского исторического образования (на материалах Харьковского университета XIX в. // Российская империя в исторической ретроспективе. Белгород. 8, 72–79.
- Кисельова Ю.А.* 2009: Історіографічна проблематика у наукових працях В.Ф. Циха // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків. 12, 276–282.
- Колесник И.И.* 1989: Когда зародились историографические знания в России. Пути исследования проблемы // История СССР. 4, 136–151.
- Корсун Н.* 1824: Рассуждение о том, в чем состоит сущность истории и какой надлежащий способ ее изучения. Харьков.
- Лунин М.М.* 1836: О влиянии Вальтер-Скотта на новейшие изыскания по части средней истории // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета 30 августа 1836. Харьков.
- Лунин М.М.* 1842: Взгляд на историографию древнейших народов Востока // Москвитянин. 8, 284–323.
- О производстве* в ученые степени на основании Положения о сем, 20 января 1819 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. Т. 1., 1864, 1134–1145.
- Обозрение* преподавания предметов и распределение лекций и практических занятий в имп. Харьковском университете на осеннее полугодие 1889 года. Харьков. 1889.
- Обозрение* преподавания предметов и распределение лекций и практических занятий в имп. Харьковском университете на весеннее полугодие 1888 года. Харьков. 1888.
- Обозрение* преподавания предметов и распределение лекций и практических занятий в имп. Харьковском университете на осеннее полугодие 1888 года. Харьков. 1888.
- Обозрение* преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету имп. Харьковского университета на 1909–1910 акад. год. Харьков. 1909.

Обозрение преподавания предметов и распределения лекций и практических занятий по историко-филологическому факультету имп. Харьковского университета на 1911–1912 акад. год Харьков. 1911.

Петров М.Н. 1861: Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Сравнительный историко-библиографический обзор. Харьков.

Петров М.Н. 1861: Отчет о занятиях адъюнкта Императорского Харьковского университета в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858–1860 гг. Харьков.

Положение о производстве в ученые степени, 6 апреля 1844 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. Т. 2., 1876, 476–485.

Попова Т.Н. 2008: Историография в поисках своего обновления // Харківський історіографічний збірник. 9, 44–61.

Проект Положения об испытаниях на ученые степени, 26 и 28 апреля 1837 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. Т. 2., 1875, 1251–1256.

Протоколы заседаний Совета императорского Харьковского университета. 1871. № 1.

РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 685. Отчеты преподавателей Харьковского университета за 1840–1841 ак. г.

РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 715. Отчеты преподавателей Харьковского университета за 1845–1846 ак. г.

РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 667. Отчеты преподавателей Харьковского университета за 1837–1838 ак. г.

РГИА Ф. 733. Оп. 95. Ед. хр. 761 Отчет преподавателей Харьковского университета за 1852–1853.

РГИА Ф. 733, Оп. 50, Ед. хр. 934. Об отправлении за границу преподавателей Харьковского университета. 1856.

Савельева И.М., Полетаев А. В. 2003: Знание о прошлом: теория и история. СПб.

Цых В.Ф. 1833: Решение вопроса: по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки и какой он должен быть именно, как вообще, так и особенно в университетах? Харьков.

Umlauf L. 1806: De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета. Харьков.